

Бендин А.Ю.
кандидат исторических наук, доцент,
Институт теологии БГУ

**Имперская веротерпимость и религиозно-национальный подъём татарского народа
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

Этно-религиозный состав Российской империи.

Одной из причин длительного и устойчивого развития Российской империи явилась способность имперского политического механизма осуществлять законодательно оформленную политику веротерпимости. Стремительное географическое расширение Российской империи в XVIII-XIX вв., начало которому положила победа России в Северной войне и присоединение Прибалтики, привело к тому, что в состав её были включены обширные европейские территории, принадлежавшие ранее Речи Посполитой и Османской империи. Завоевания на Северном Кавказе и в Средней Азии, присоединение Закавказья, освоение Сибири и Дальнего Востока завершили территориальную экспансию Империи окончательно придав ей евразийский характер. Имперский характер российского политического механизма в силу своего специфического устройства, обеспечивал возможность управления государством, многочисленные народы которого находились на разных стадиях культурного, социального, экономического и политического развития. Российская империя обладала огромным конфессионально-религиозным и этно-культурным разнообразием сложившимся еще в дореформенную эпоху. Важнейшим признаком этно-культурной идентичности было вероисповедание, определявшее групповую принадлежность в большей степени, нежели язык. Хотя Российское государство самодержавной эпохи позднего периода отличалось полиэтничным и мультирелигиозным характером, все же русские в нем оставались самым крупным, значительно превосходящим все другие народы этносом. Российская империя в силу преобладания христианских народов оставалась по своему этническому составу преимущественно европейским государством.

Большинство этносов России были конфессионально и религиозно едиными: свыше 98% русских, украинцев, румын, греков, коми, мордвы, чувашей и якутов были православными, почти все казахи, узбеки, киргизы, сарты, таджики, чеченцы и дагестанцы были мусульманами, свыше 98% поляков и литовцев были католиками, почти все финны шведы – лютеранами и свыше 96% калмыков – ламаистами. На разные религиозные группы были расколоты немцы, среди которых было 13,5% католиков; белорусы –18% католиков, в том числе бывших униатов; латыши –18% католиков, 4,5%,- православных, остальные - лютеране; эстонцы –13,2 % православных, остальные - лютеране; 6-7% волжских татар и 24,6% черкесов – православных, остальные исповедовали ислам. Таким образом, в состав населения Империи входили многочисленные этносы исповедовавшие такие мировые религии как христианство, ислам, буддизм и иудаизм а также

составлявшие очень малую часть всего населения России многочисленные гетерогенные этнические группы поклонников пантеистических культов. Этно-религиозная структура Российской империи в конце XIX в. выглядела следующим образом:

	1867 г.(млн.):	1897 г.(млн.):	Прирост в %:
Евреи	2,3	5,1	121
Мусульмане	4,1	6,9	70
Католики	6,9	11,4	68
Православные	54	87	61
Протестанты	2,3	3,7	57
Раскольники и сектанты	1,5	2,1	41 ¹

Как свидетельствуют статистические данные всероссийской переписи населения 1897г. лица православного исповедания (вместе со старообрядцами) составляли 71% населения страны. Следовательно Русская Православная церковь являлась крупнейшей религиозной общиной Российской империи, существование которой в свою очередь, определялось своеобразным правовым статусом в котором сочетались элементы протестантской доктрины территориализма и государственной церковности с остатками традиционной, унаследованной от Византии симфонии ².

Веротерпимость и её законодательная основа.

Государственная церковность синодальной эпохи, действовавшая на протяжении XVIII-начала XX вв., сохраняя определённые черты византийско-московского наследия, привнесла в систему вероисповедных взаимоотношений ряд существенных изменений, в частности, - законодательное оформление принципов новой имперской веротерпимости.

Поэтому не отвергая специфически протоимперской практики религиозной толерантности, свойственной Московскому царству по отношению к инославным христианам и иноверцам (Hans-Heinrich Nolte. *Religiose Toleranz in Rusland 1600-1725. Musterschmidt-verlag. Gottingen. Zurich. Frankfurt.1969*), императорское правительство сохраняло и модернизировала традиционную веротерпимость по отношению к религиозным верованиям этносов, диаспор, и этнических групп включаемых в состав России на протяжении XVIII-XIX в.в. Коронная администрация Российской Империи в своей вероисповедной политике исходила из того, что всякое христианское государство обязано уважать религиозную самобытность населяющих её народов со всеми их характерными чертами, и практически (за исключением ряда случаев в первой половине XVIII века по

отношению к Исламу и язычеству) не применяла принудительных мер с целью религиозной ассимиляции своих неправославных подданных.

Принципы веротерпимости провозглашённые в XVIII веке и законодательно закреплённые в Своде законов 1832г, осуществлялись в тесном единстве с принципами национальной политики российской империи. Это единство покоилось на общей прагматической основе, причём веротерпимость в её традиционно московской, а затем имперской интерпретации распространялась в соответствии с церковно-государственным законодательством прежде всего на этнические группы и диаспоры, представляющие для императорского правительства религиозные общества и союзы. Такой исторически сложившийся подход свидетельствует о том, что вероисповедание рассматривалось в качестве главного отличительного признака этнических групп, диаспор и племен, населявших территорию Российского государства. В силу указанного обстоятельства маркером и неотъемлемой частью национальной политики правительства являлась её религиозно-толерантная составляющая.

Цель данной работы заключается в попытке рассмотреть опыт взаимодействия имперских принципов веротерпимости с региональной практикой формирования этнической идентичности и религиозного национализма волжских татар в период постреформенной модернизации.

Уважение к существовавшему status quo в области вероисповеданий нашло свое законодательное воплощение в ст.ст.44 и 45 Основных Законов Российской империи. Тем самым самодержавная власть обеспечивала легитимность политики веротерпимости, как необходимого средства для достижения национально-религиозной стабильности общества.

Так, статья 44-я гласила, что "все не принадлежавшие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоявшие на Российской службе или временно в России пребывавшие - пользовались каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной". В 45-й статье Основных законов говорилось, что "свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских монархови, моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи"³.

Таким образом, веротерпимость, в соответствии с Российским законодательством, означала определенную религиозную самостоятельность признанных в Империи и находящихся под управлением государства "иностранных" христианских конфессий, религий и религиозных групп.

Императорский патернализм являлся необходимой составляющей религиозной политики, которая находила своё выражение в целом ряде существенных привилегий, закреплённых в Уставе иностранных исповеданий Свода Законов Российской империи. В соответствии с действовавшим законодательством, монарху как высшей инстанции принадлежало разрешение важнейших дел покровительствуемых им исповеданий. Таким образом, религиозные общества, становясь привилегированными, приобретали правовой статус государственных.

Степень привилегированности отдельных конфессий и религий соответствовала политическому значению идентифицирующих себя с ними этнических групп 4.

Управление духовными делами мусульман в Российской империи было разделено между четырьмя самостоятельными духовными правлениями. Волго-Камский регион и Приуралье были подведомственны Оренбургскому мусульманскому духовному собранию, которое находилось в Уфе. Духовное собрание состояло из трёх членов под председательством муфтия. Назначение муфтия осуществлялось по указу императора по представлению министра внутренних дел. В свою очередь члены Собрания назначались министром по представлению муфтия сроком на три года. Жалобы на решения Собрания подавались губернатору, который представлял их на рассмотрение Министерства внутренних дел. Назначение приходского духовенства (хатыны, имамы и маязимы) осуществлялось выборным путём. Результаты выборов утверждались губернским правлением⁵. Правительственная опека находившая свое конкретное воплощение в обязательной регламентации управления религиозными обществами, в правительственной прерогативе на замещение высших церковных должностей имела своё рациональное обоснование в том, что учреждения признанных вероисповедных обществ были наделены некоторыми функциями светской власти. К числу таких функций относилась предоставленная законом мусульманскому духовенству юрисдикция в области гражданских правоотношений мусульман (право ведения актов гражданского состояния, обязательность применения по некоторым делам правил шариата). Одновременно государство наделило духовенство рядом привилегий. В соответствии с Уставом иностранных исповеданий мусульманское духовенство вообще и их дети, и при том обоих толков – суннитского и шиитского, пользовались свободой от телесных наказаний, казённых податей и повинностей, кроме воинской.⁶ Таким образом, интегративно-прагматический потенциал религиозного законодательства относительно мусульман заключался не только в праве религиозных сообществ на свободное исповедание своей веры и публичном отправлении богослужения. Наделяя мусульманское духовенство рядом преимуществ, и возлагая на него определённые государственные функции, законодательство рассматривала лиц духовного звания в качестве одной из интегрирующих сил, способствующих сохранению единства имперского пространства в его религиозно-этническом многообразии.

Особенности национальной модернизации татар.

Населявшие Российскую империю этнические группы мусульман не принадлежали к единой этнической общности, но представляли собой конгломерат находившихся на самых различных ступенях культурного развития оседлых и кочевых нерусских народов преимущественно тюркского, финно-угорского, монгольского, иранского и другого происхождения. Населяя разнообразные в географическом, климатическом и этно-культурном отношении территории, этнические группы и племена мусульман включались в состав государства разновременно и в различные исторические эпохи жизни России. В силу особых исторических и географических условий культурное преобладание

среди мусульман различного этнического происхождения принадлежало численно не занимающим первого места татарам, населяющим Волжско-Камский регион.

Политика веротерпимости по отношению к исламу имела глубокие исторические корни. После покорения Казанского ханства московское правительство вынуждено было решать проблемы религиозного сосуществования с крупной этнической группой татар, исповедовавших ислам. Татары были самым крупным народом Поволжья. Православная миссия среди татар в XVI-XVII вв. практически не имела успеха. В синодальный период, несмотря на усиление работы и улучшение её методов, главной проблемой миссии продолжали оставаться татары. В конце XIX века их насчитывалось около 1200000 человек. Представители этой этнической группы проживали в Казанской, Самарской, Симбирской, Саратовской и Астраханской губерниях и исповедовали ислам суннитского толка.

Территория Поволжья и Приуралья в восприятии правящей элиты Империи носила двойственный характер. С одной стороны, эти земли были уже давно включены в Империю и в результате ее последующей экспансии утратили приграничное положение. Миграции привели к тому, что русские составляли здесь более половины населения, а структура административного управления в XIX – начале XX вв. ничем не отличалась от “европейской России”. В то же время эту территорию продолжали воспринимать как окраину, прежде всего, из-за устойчивого культурного и этнического разнообразия, усугубляемого изменчивостью идентичностей многих групп населения региона⁷.

Великие реформы 60-70-х гг., начавшие в России процесс формирования гражданского общества, индустриализация и урбанизация, распространение грамотности, развитие школьного образования и печати разрушали традиционный образ жизни многих нерусских народов и приводили к стремительному росту политической мобилизации многих этнических групп. Появление национальных движений явилось следствием ускорившейся модернизации экономических и социальных отношений. По утверждению Э. Геллнера – национализм – это не пробуждение и самоутверждение мифических, якобы естественных и заранее заданных сообществ. Это, напротив, формирование новых сообществ, соответствующих современным условиям, хотя использующих в качестве сырья культурное, историческое и прочее наследие донационалистического мира⁸.

Развитие национальных движений в России укладывается в схему, предложенную чешским историком М. Грохом для описания национальных движений в Центральной и Восточной Европе: **в фазе пробуждения** возникает интерес сравнительно небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору определённого народа; **в фазе агитации** национальное сознание распространяется в широких слоях этого этноса; наконец, **в фазе массового движения** данный народ в целом охватывается идеями национального самосознания и мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость. Таким образом, в каждом национальном движении была заложена, как мина замедленного действия, идея политического самоопределения, и если оно начиналось, то, как правило, развивалось до своего логического конца. Если следовать схеме М.Гроха применительно к

национальному движению мусульманских народов, что в нашем случае является вполне корректным, тогда казанские татары переживали фазу культурного возрождения в XIX веке, а около 1905 года вошли в агитационную фазу и в 1917г. – в стадию политической мобилизации⁹.

У мусульман России модернизация второй половины XIX века вызвала национально-религиозный подъём протекавший в многочисленных формах и видах. Источниками этого подъёма являлась правительственная политика модернизации, давшая мощный импульс колониционному движению, направленному на заселение русскими Северного Кавказа, севера Казахстана, юга Урала и юга Сибири, национальный подъём на западных окраинах империи и Закавказье, формирующийся русский национализм, и, наконец, сильное воздействие пантюркизма и панисламизма. Усиление процессов европеизации, придавших сильный импульс интерпретации новых аспектов социального бытия представителями образованной татарской элиты, послужило началом национальной модернизации этой этнической группы. Результатом модернизации стало распространение печати и прессы, повышение статуса национального языка, реформа системы школьного образования. Начиная с 60-х гг., выросло число выпускников татарских народных школ, увеличивалось также и количество отпечатанных в России татарских книг. Постепенно татары развили свой литературный язык, опирающийся на народный диалект. В 1856-1864гг., вышел в свет миллион экземпляров учебников, журналов и другой печатной литературной продукции на татарском языке.

Большую роль в усилении влияния Ислама среди татар сыграл экономическая модернизация. Благодаря исключительной способности к торговле у татар возникло богатое купечество, игравшее значительную роль в экономике Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. Эти купцы в значительной степени обрусели, но оставались верны Исламу. В богатом купечестве мусульманское духовенство находило сильную материальную поддержку и все больше укрепляло свое влияние среди татарского населения.

Развитие транспорта облегчало татарам общение с единоверцами в Турции и Аравии и увеличивало число паломников в Мекку. Православной миссии почти невозможно было пробить брешь в этом прочном татарском монолите¹⁰.

Стремительное расширение сферы социальной активности в общественной жизни Волжско-Камского региона знаменовало первый и наиболее важный этап национальной модернизации второй половины XIX. Благодаря этому процессу были созданы условия, способствовавшие трансформации традиционного этно-религиозного самосознания в формы мобилиционного идеологического концепта, придавшего новый импульс национальному движению, в которое оказались вовлечены не только духовенство и интеллигенция, но и широкие слои населения. В этих условиях национализм и религиозные течения в исламе, такие как религиозный консерватизм и религиозный модернизм, оказались взаимосвязанными¹¹.

Мусульманские деятели в России, по мнению К. Карпата, не приняли традиционалистскую версию панисламизма, выдвинутую султаном Абдулхамидом, но предложили «его особенную, модернистскую, националистическую версию, известную как пантюркизм, в котором национализм и исламизм становились

нераздельными элементами идеологии»¹². В этих условиях усилия татарских элит посредством распространения Ислама и татарского языка сплотить в единую нацию тюркские и угро-финские этнические группы Поволжья, Приуралья и даже Средней Азии заставляли российскую государственную власть относиться к этому явлению как событию первостепенного государственного значения.

Национально-религиозные аспекты интеграционной политика и её внешнеполитическое измерение.

После 1863г. интеграционная политика российского правительства в форме «русификации»*, направленная на последовательную административно-правовую, культурную и социально-экономическую интеграцию всех частей империи проводилась в разных регионах и среди разных народов с разной глубиной и интенсивностью, а иногда и с отклонениями от генеральной линии. Дифференцированность этой политики находилась в прямой зависимости от степени языковой, конфессиональной, и культурной близости народов и опасности, которую представлял сепаратизм для формирования единого национального государства¹³.

В Волжско-Камском регионе и в Приуралье «русификация», понимаемая шире как европеизация неевропейских этнических групп, была длительным, стихийно развивающимся процессом, который – по замечанию И.Смолича – ускорялся по собственной инициативе инородцев – мордвы, чувашей и черемисов и едва ли нуждался в подталкивании со стороны государственной власти. Только волжские татары со своим развитым литературным языком, арабским письмом, с собственной школьной системой и исламским самосознанием целенаправленно сопротивлялись «русификации» и даже пытались создать сферу собственного культурного влияния через исламскую миссии среди соседних народов¹⁴.

Поэтому российская монархия, учитывая напряжённость религиозно-политической атмосферы на западных границах России в связи с «польским вопросом» (восстания 1830 – 1831гг. и 1863 – 1864гг), осложнением взаимоотношений между Православием и Протестантизмом в Прибалтике, начавшимся в сороковые годы XIX века, расширением татаро-мусульманского влияния в Приволжском крае, а также межэтническим христианско–мусульманским противостоянием в Закавказье, стремилось предотвратить межрелигиозные и межэтнические конфликты исходя из принципов традиционной веротерпимости. Свидетельством такого стремления явилось негативное отношение государства к прозелитизму как потенциальному источнику межрелигиозных конфликтов и напряжённости.

В религиозном законодательстве позиция государства как принципиального противника прозелитизма, нашла своё выражение в следующем положении закона: "Те же правила терпимости, которые сохраняет правительство, обязывают всякую духовную власть и всякое частное лицо иностранне лицо иностранно и

* В белорусской историографии термин «русификация» носит сугубо оценочный характер с ярко выраженным негативным оттенком. В данном тексте это понятие, как и понятие национализм, используются в значении, общепринятом в западноевропейской гуманитарной науке, исключительно с целью обозначения определённых исторических явлений, а отнюдь не вынесения оценочных суждений.

иноверного исповедания не прикасаться в делах веры к убеждению совести последователей других вер"¹⁵.

Этот принцип, распространившийся на все неправославные вероисповедания без исключения, был закреплен в уставе Лютеранской церкви и положении о церкви Армяно-грегорианской, в которых говорилось, что члены этих церковных сообществ "должны тщательно воздерживаться от всякого нарушения надлежащего уважения к другим, свободно исповедуемым в Империи верам, особенно же от строго воспрещаемого законами государства прозелитизма"¹⁶. Закон запрещал свободный переход из одной признанной веры в другую. Только переход в Православие допускался всем инославным и иноверным без всяких ограничений. Одна господствующая Церковь имела право в пределах государства убеждать не принадлежащих ей подданных к принятию её учения о вере¹⁷.

Российское законодательство охраняло не только Православную Церковь от перехода верующих в иные вероисповедания, но также и все христианские конфессии от отпадения их последователей в нехристианство. Так, за отвлечение из христианской веры «в веру магометанскую, еврейскую или иную нехристианскую» виновный приговаривался к каторжным работам на срок от 8 до 10 лет. Если для принуждения к отступлению от христианства было употреблено насилие, то срок увеличивался от 12 до 15 лет¹⁸.

Как отмечалось, только Православная Церковь имела исключительное право убеждать к принятию ее вероисповедания всех неправославных подданных Империи, но при этом «она не должна была употреблять ни малейших понудительных средств, а должна ждать добровольного обращения, ибо вера, – говорит закон, – порождается благодатью Господней, поучением, кротостью и более всего добрыми примерами"¹⁹. Следует добавить, что закон предусматривал также наказание за соращение мусульманином, евреем или язычником инородца из одной нехристианской веры в другую, также нехристианскую²⁰. Тем самым самодержавная власть недвусмысленно свидетельствовала о том, что в своей политике веротерпимости, направленной на поддержание устойчивого правопорядка, регулировавшего сложные процессы межрелигиозных коммуникаций, исходит из принципов имперского православного патернализма направленных на сохранение и стабилизацию религиозно-этнических границ внутри обширного евразийского государства. Охраняя Православие в качестве господствующей веры русских – оплота российской государственности, законодательство определяло, как уже отмечалось, иные вероисповедания в качестве иностранных. Поэтому неправославный религиозный прозелитизм рассматривался правительством и Церковью в качестве инструмента этнокультурной ассимиляции, направленной прежде всего против национального и вероисповедного единства русского народа, а также религиозной самобытности этнических меньшинств. О реальной неразрывности национальных и религиозных проблем свидетельствовало законодательство, которое, утверждая религиозно-этнические границы внутри Империи, делало уголовно наказуемой прозелитическую практику этой эпохи, когда проповедь и обращение в католичество были напрямую связаны с полонизацией, проповедь протестантизма - с онемечиванием, проповедь ислама - с татаризацией.

Р.Джераси в своей книге “Окно на восток. Национальные и имперские идентичности в поздней царской России” отмечает, что этнические идентичности часто зависели от религиозного фактора. В частности, в ситуации характерной для территории Поволжья и Приуралья переход мусульманина в Православие выделял его в особую группу кряшенов, переход язычников – анимистов в Православие часто сопровождался сменой их идентичности на русскую, а переход в мусульманство – на татарскую. Именно в этой не просто разнородной, но и неустойчивой в своей идентичности среде возникли условия для конфликта двух экспансионистских проектов национального строительства – русского и татарского.²¹

Русская Православная церковь рассматривала христианскую миссию и свидетельство как составную часть православного вероучения. Вместе тем миссию среди нехристианского населения в синодальный период нельзя рассматривать как чисто церковную инициативу, в значительной степени она направлялась государством, ставившим перед Церковью определённые задачи в рамках своей внутренней политики. Церковная миссия поддерживалась государством в русле упомянутой политики «русификации» или обрусения инородцев.

По замечанию исследователя миссионерской политики в Волго- Камском регионе Пола Верта, отношения между переходом в Православие и обрусением были весьма сложными и многообразными. Можно говорить и, наоборот, об особых версиях Православия, утверждавшихся в “инородческой” среде²². Власть оказывало содействие Русской Православной Церкви в миссионерской деятельности в Поволжье и Приуралье, в Сибири, Туркестане и на Северном Кавказе среди мусульман. Однако законодательно-административная и финансовая поддержка внутренней миссии Церкви среди нехристианского населения как целевая установка российской политики играла некоторую, хотя, как правило, ограниченную и подчиненную роль. Главной целью государства являлась прагматически обусловленная политика поддержания национально-религиозной и социально-политической стабильности российского общества отличавшегося конфессионально-религиозным, этническим, социальным и экономическим многообразием. Тем самым границы религиозной свободы, установленные законодательством, коррелировались с политической практикой наднациональной монархии с её приоритетом общеимперских династических и сословных принципов над этно-религиозными и языковыми.

Законодательное формирование границ веротерпимости, которые, в свою очередь, определяли практику решения религиозно-национальных проблем, а иногда и их происхождение, нельзя рассматривать вне контекста территориального окружения. В частности, польский и украинский вопросы с их конфессиональной составляющей, невозможно анализировать без учёта Галиции, входившей в состав Австро – Венгрии, а также и других территорий, находившихся за пределами Империи. Поддержка пантюркизма и панисламизма среди российских мусульман стала для Стамбула формой контригры в ответ на панславизм и поддержку Петербургом национальных движений балканских славян. Между империями происходил не только обмен идеями и средствами, отправляемых на поддержку разных движений по другую сторону границы, но и

весьма интенсивный кадровый обмен активистами национальных движений. В этом обмене участвовали и священнослужители²³.

Специалисты министерства внутренних дел, изучавшие проблемы национально-религиозного движения среди мусульман, отмечали в 1910 году, что “наши национальные окраины, в том числе Кавказ и Туркестан, посещаются турецкими эмисарами, проповедующими единение под знаменем пророка. Даже официальный турецкий мир не остаётся чуждым этой деятельности, и правительственные агенты тайно посещают магометанские окраины России, сближаясь с населением и проповедуя ему идеи Великой Турции²⁴. И хотя правительство испытывало доверие к имперской лояльности татар, проповедь панисламизма и пантюркизма рассматривалась им как угроза интеграционной политике, и прежде всего - в сфере взаимодействия с Исламом, отношения с которым в рамках традиционной имперской веротерпимости характеризовались устойчивой стабильностью, как в дореформенный период, так и в первые десятилетия постреформенной национальной модернизации в Волжско-Камском регионе.

Вызов религиозного национализма и традиция веротерпимости.

Российская империя, эволюционировавшая на протяжении второй половины XIX – начала XX вв., от государства правомерного к государству правовому, увеличивала пространство веротерпимости, одновременно наделяя подданных политическими правами. Рубежный в этом процессе политической и правовой эмансипации 1905 год внёс коррективы в базовые принципы религиозного законодательства в сторону увеличения прав личности в отношении собственного религиозного сообщества (право выхода из Православия), а также официального признания в качестве религиозных общин ранее гонимых или просто терпимых религиозных групп. Однако новый уровень религиозной толерантности свидетельствовал о том, что для Империи по-прежнему приоритетными являлись права религиозного сообщества, а не отдельной личности. Продолжало существовать правило, что всякое частное лицо остаётся в той вере, в какой оно рождёно и которую исповедывали его предки. Поэтому действовавшее законодательство не допускало вовсе возможности не принадлежать ни к какому исповеданию, то есть государство признавало в каждом подданном человека религиозного. Существование личности в замкнутых рамках религиозного сообщества, принадлежность к которому дана по праву рождения и зафиксирована в метрической книге общины, придавало ей тем самым определённую этно-религиозную идентичность. Таким образом, имперское законодательство, признававшее в качестве объекта веротерпимости замкнутые религиозные сообщества, являлось не только юридическим гарантом сохранения этно-религиозного многообразия России, но и реально воздействовало на процесс формирования этнической идентичности.

В условиях постреформенной модернизации, вызвавшей национальный подъем среди многих этнических групп Империи, практика веротерпимости, аккумулировавшая религиозный потенциал этнических групп путём утверждения юридических границ религиозных сообществ, носила амбивалентный характер. Направленная на стабилизацию религиозно-этнической ситуации в государстве,

эта практика заключала в себе одновременно потенциальную возможность поощрения религиозного национализма как инструмента политической дезинтеграции.

Примером того, каким образом правительство и Церковь, действуя правовом пространстве веротерпимости, совместно решали проблемы контроля над национально-религиозной экспансией этнических групп, служит опыт Особых совещаний, создаваемых при Министерстве внутренних дел.

В 1908 г. председателю Совета Министров П.А. Столыпину поступил записка Уфимского епископа Андрея (Ухтомского) « О мерах к охранению Казанского края от постепенного завоевания его татарами». В документе указывалось, что «завоевание татарами-магометанами Казанского и всего Прикамского края происходит на наших глазах тихо, мирно, постепенно, но твёрдо и неуклонно. Это объясняется историческими причинами в развитии жизни приволжских татар и историческими ошибками русского правительства в отношении местного русского и вообще православного населения. ... Если продолжится татаризация инородцев, - продолжал епископ Андрей, - если киргизы, башкиры, ногайцы, вотяки, а отчасти чуваша и черемисы усилят собой татарскую народность и сольются с ними, то в центре России создастся такой страшный враг для неё, который вместе с мятежным Кавказом может наделать русским много величайших бед в критические минуты русской народности».

Епископ Андрей предлагал П.А.Столыпину ослабить «пантатарскую пропаганду» путем применения ряда мер, способных оградить «инородцев» от религиозно-культурного влияния татар.

Одной из таких мер, по его мнению, могла быть активизация деятельности православных приходов, так как «только с помощью приходов можно бороться великой силой магометанской религиозной общины... И слияние инородческого населения с русским возможно только на почве Православия»²⁵.

Негативная оценка религиозной ситуации, сложившейся в Казанском крае, данная епископом Андреем, возможно, является несколько преувеличенной, так как в начале XX столетия переходов чувашей и черемисов в Ислам практически не было. Очевидно, поводом для тревоги являлось то обстоятельство, что после Высочайшего указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 года, дозволившего переход из Православия в иные вероисповедания, около 40 тысяч бывших православных из «инородцев» присоединились к Исламу. Этот переход стал возможен потому, что приобщенные к Православной Церкви «инородцы» Приволжья, не получив должного религиозного воспитания, числились в ней номинально. Поэтому переход «инородцев» в Ислам в местностях со смешанным населением в его религиозно-культурном аспекте свидетельствовал о победе татарского религиозного национализма в среде с неустоявшейся этно-культурной идентичностью

Точку зрения епископа Андрея (Ухтомского) разделяла и Обер-прокурор Святейшего Синода В. Лукьянов, который во Всеподданнейшем отчёте за 1908-1910 гг. подчёркивал, что Православие встретило в Исламе такую силу, которую нельзя преодолеть имеющимися в распоряжении местных епархиальных архиереев

средствами. Выводы, к которым приходят составители Отчёта в оценке результатов религиозно-национальной и культурной деятельности волжских татар были неутешительными для Русской Церкви. Было отмечено, что в условиях вероисповедной свободы Ислам начинает проявлять склонность к прозелитизму, миссию которого взяла на себя «старейшая и сильнейшая из народностей мусульманского мира в России – татарская. Казанский край является центром, откуда разливается по Поволжью, Приуралью и Средней Азии волна Ислама. С распространением татарами Ислама среди инородцев идёт попутно и татаризация их, возведённая в сознательную систему действий. Особенно сильно влияние татар в Казанском крае, где возникает даже вопрос об охране его от постепенного «завоевания» татарами. В некоторых местах Казанской губернии, где православное население составляет из себя меньшинство, положение христиан уже столь невыносимо, что они, по свидетельству миссионеров, просят разрешения переселиться куда-нибудь, чтобы не переносить более обид и мучений от мусульман. ... Таким образом, несмотря на сравнительно спокойное по внешности настроение мусульманского мира, после издания актов о веротерпимости, положение Православия в епархиях с мусульманским населением временно ухудшилось.²⁶

Позиция Русской Церкви относительно исламо-татарской миссии среди «инородцев» не могла не вызвать реакции премьер-министра и министра внутренних дел П.А. Столыпина, отличительной чертой национальной политики которого было стремление сочетать общеимперские интересы и интересы отдельных народов. Наиболее сложным аспектом этой политики была необходимость сохранения баланса интересов нарастающих окраинных национализмов, с интересами русской имперской нации (великороссов, малороссов и белорусов), оставаясь при этом в рамках сформировавшегося после 17 октября 1905 года правового пространства дуалистической монархии. Вместе с тем, необходимость постоянного поддержания общественного порядка на огромном евразийском пространстве, разделённом на множество этнических и религиозных границ, отделяющих сообщества с чётко выделенной верой и определяемых культурой, органически связанных с данной верой, друг от друга, была обусловлена самой природой имперской государственной власти.

В секретном письме обер-прокурору Святейшего Синода от 9 сентября 1909 г. П.А. Столыпин писал: «Для народа христианского столкновение с мусульманским миром знаменует не религиозную борьбу, а борьбу государственную, культурную. Этим объясняется тот успех, который получила за последнее время панисламская пропаганда, успех, который у нас в России имеет особо важное значение.... Очевидно, что при таком положении мусульманский вопрос в России не может не считаться грозным.... Государство наше, действовавшее во все времена в тесном единении с Церковью, и данном случае не может и не должно обособляться от него. Поэтому, по моему убеждению, работа правительства в Поволжье, и в частности в Казанском крае, должна, прежде всего идти рука об руку с Православной Церковью. Только в этом случае можно рассчитывать на вящий успех в деле.²⁷

По инициативе П.А. Столыпина в 1910 году в Санкт-Петербурге было создано «Особое совещание по выработке мер для противодействия татаро-

мусульманскому влиянию в Приволжском крае». «Особое совещание» состояло из местных и центральных представителей ведомств народного просвещения и внутренних дел, а также ведомства православного исповедания. Материалы совещания, изложенные в специальном Журнале, содержат детальный анализ этно-религиозной ситуации в указанном регионе и намечают совместную программу мероприятий правительства и Церкви по преодолению последствий татарской национальной экспансии.

Совещание выделило следующие причины национально-религиозной активизации поволжских татар:

- воздействие идей панисламизма и пантюркизма на становление и подъём национально-религиозного движения, связь с международными духовными центрами Ислама;

- высокий уровень культуры, притягательный для единоверцев ведущих кочевой или полукочевой образ жизни, а также для представителей тюркских и финно-угорских этнических групп Волжско-Камского региона, находившихся на низком уровне культурного развития;

- подчинение мусульманского духовенства почти всей (за исключением Крыма) Европейской России, а равно и всей Сибири находящемуся в Уфе Оренбургскому духовному собранию, государственному учреждению, монополюсский контроль над которым осуществляло татарское духовенство, национальное воспитание мулл;

- введение в учебные программы духовных школ (мектебе и медресе) светских общеобразовательных предметов, излагаемых с позиций татарского национализма, полное отсутствие государственного контроля над духовными школами, подготовка татарско-мусульманских учителей с целью пропаганды национализма среди единоверцев-инородцев;

- деятельность исламского духовенства по формированию в народном сознании мусульманского населения Европейской России тождественности понятий религии и этнической идентичности;

- возрастание роли печати в пропаганде национально-религиозной идеологии;

- действие вероисповедных и политических свобод, открывших после 1905 года широкие возможности для политической агитации с целью сближения всех единоверцев с Турцией;

- формирование татарской элитой программы действий по объединению всего мусульманского населения России на основе национально-религиозной и культурной автономии.²⁸

Анализ материалов Совещания позволяет сделать вывод о том, что в данном случае правительственная политика в регионе столкнулась с качественно новым феноменом – неевропейским религиозным национализмом, выступавшим качестве инструмента социальной мобилизации, экспансионистская активность которого, инициируемая идеями панисламизма и пантюркизма как изнутри, так и извне, не имела аналогов в прежней практике взаимоотношений с Исламом. Одной из причин становления новой религиозно-этнической ситуации (помимо социально-экономических и политических и религиозных конфликтов, выступающих в качестве источника появления национализма) явилась традиционная имперская практика веротерпимости. Во первых, она создала позитивные правовые и административные условия для

сращивания Ислама с национализмом, законодательно учредив независимую от государства систему религиозного образования. Во вторых, государством был создан орган духовного управления мусульманами Европейской России (кроме Крыма и Закавказья), ставший центром распространения татарского национализма среди единоверцев тюркских и финно-угорских этнических групп с помощью духовенства.

Практика веротерпимости, основанная на традиционном доверии государственной власти к своим мусульманским подданным, в новых исторических условиях потребовала неизбежной корректировки. Поэтому Совецание, наряду с мероприятиями церковно-миссионерского и образовательного характера, предложило ряд мер, направленных на то, чтобы вернуть системе религиозного образования сугубо духовный характер, путём исключения национально-светских дисциплин из учебного процесса, предоставив духовные школы исключительному ведению мусульманского духовенства. Предполагалось, что такая мера поможет нейтрализовать один из источников формирования религиозного национализма. Далее, было признано необходимой децентрализация духовного управления мусульман, с целью упразднения монополии татарского духовенства на процесс подготовки лиц духовного звания. Экзаменационные испытания на звание муллы должны были происходить на родном языке по точно определённой программе, утверждённой министерством внутренних дел.²⁹

Таким образом, речь шла о том, чтобы усилиями правительства исключить из исторически устоявшейся системы взаимоотношений государства и Ислама национально-идеологический аспект без стеснения религиозной свободы татарского народа. Государство, следуя принципам веротерпимости, сохраняло традиционное уважение к Исламу, но не могло из соображений безопасности примириться с его идеологизацией. Связь исламского вероучения с идеями национальной экспансии и пантюркизма рассматривалась как враждебный целостности Империи идеологический концепт, обладающий эффектом национально-политической мобилизации. В новой ситуации правительство пыталось актуализировать интегративный потенциал имперской веротерпимости во взаимоотношениях с исламским духовенством, стремясь вернуть его деятельность в традиционные рамки, одновременно предпринимая меры по развитию народного образования среди мусульман нетатарского происхождения, препятствуя тем самым процессу их этно-культурной ассимиляции.

¹ Тихомиров Л. Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики. Миссионерское обозрение. Март, 1902.— С. 435 ;

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – С.210.

² Сборник документов и материалов юбилейного архиерейского собора Русской православной церкви. Москва, 13-16 августа 2000г., Н. Новгород. – 2001.- С.180-182.

³ Свод Законов Российской Империи. - Т.1.ч.1. - Основные государственные законы. -Ст. 44-45. - СПб., 1892.

⁴ Рейснер М.А. Государство и верующая личность. Сб.ст. – СПб, 1905. – Сс.162-164.

⁵ Свод Законов Российской империи. - Т.11, ч.1.-Ст.ст.1416 –1442. - СПб., 1892.

⁶ Коркунов Н.М. Русское государственное право. – Т.1, изд.3, перераб. – СПб., 1899. – С.512.

⁷ А И Миллер. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье. – Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб.науч.тр - М., 2002; №4. -С. 33-34.

⁸ Эрнест Геллнер. Нации и национализм. - М., 1991. - С.115.

⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-нач. XX вв.) – Т.1. – СПб.,1999. – С.с.39-40.

¹⁰ Смолич И.К. История Русской Церкви 1700 –1917. Ч.2. – М.,1997. – С.с.236-237.

-
- ¹¹ Зайончковский В. Социальное самосознание татар, бурят и башкир в России и БССР – преемственность или разрыв традиции?//Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. научн. тр. 2002, №4. – М., 2002. – С.с.52 – 55.).
- ¹² А И Миллер. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье. – Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. науч. тр. - М., 2002; №4. -С. 37.
- ¹³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-нач. XX вв.) – Т.1. – СПб., 1999. – С.63
- ¹⁴ Смолич И.К. История Русской Церкви 1700 –1917. Ч.2. – М., 1997. – С.207.
- ¹⁵ Свод Законов Российской империи. - Т.11, ч.1.-Ст.256. - СПб., 1892.
- ¹⁶ Свод Законов Российской империи. - Т.11, ч.1.-Ст.1110. - СПб., 1892.
- ¹⁷ Свод Законов Российской империи. –Т.11,ч.1.-Ст.4. – СПб.,1892; Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Свод Законов Российской империи. –Т.14. – Ст.70. – СПб.,1890.
- ¹⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 184. Издано проф.Н.С.Таганцевым. Изд.5, доп. – СПб.,1886.
- ¹⁹ Бердников И.С. Краткий курс церковного права. - С. 241. – Казань, 1888.
- ²⁰ А. Кистяковский. О преступлениях против веры / Наблюдатель. 1882. - № 10. - С.121.
- ²¹ А И Миллер. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье. – Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. науч. тр - М., 2002; №4. -С. 34.
- ²² А И Миллер. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье. – Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. науч. тр - М., 2002; №4. -С. 34.
- ²³ А И Миллер. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье. – Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. науч. тр - М., 2002; №4. -С. 36.
- ²⁴ Красный архив. Исторический журнал. т.35., 1929. С.114.
- ²⁵ Красный архив. Исторический журнал. Т.35., 1929. С.108-109.
- ²⁶ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного исповедания за 1908-1910 гг. – СПб., 1912. С.с. 148-153.
- ²⁷ Смолич И.К. История Русской Церкви 1700 –1917. Ч.2. – М., 1997. – С.с.209-210.
- ²⁸ Красный архив. Исторический журнал. Т.35., 1929. С.с. 110-113.
- ²⁹ Красный архив. Исторический журнал. Т.36., 1929. С.с.78-83.